

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кириллов А.К., Резникова М.А. — Неравенство доходов крестьян пригородной волости по данным налоговых раскладок: Семилужная волость Томского уезда в начале XX в. // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 6. – С. 101 - 111. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.6.69276 EDN: SWCWIC URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=69276

Неравенство доходов крестьян пригородной волости по данным налоговых раскладок: Семилужная волость Томского уезда в начале XX в.

Кириллов Алексей Константинович

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук;
доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, оф. Институт истории СО РАН

✉ alkir.nsk@gmail.com

Резникова Мария Александровна

кандидат исторических наук

младший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук

630090, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, оф. Институт истории СО
РАН

✉ sharshova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.6.69276

EDN:

SWCWIC

Дата направления статьи в редакцию:

06-12-2023

Дата публикации:

13-12-2023

Аннотация: Статья призвана дать историкам новые данные для обсуждения проблемы

неравенства доходов в дореволюционной России. Речь идёт о получении цифр, которые могут быть использованы для сопоставления с уже имеющимися цифровыми оценками неравенства в России начала XX в., а также для включения дореволюционной России в один ряд с другими странами и эпохами. Поскольку данные о доходах в эту эпоху особенно дефицитны для сельской местности, авторы сосредоточили внимание на крестьянах. Ставилась задача добить данные, позволяющие получить картину неравенства на микроуровне – в рамках отдельных селений. В качестве источника данных используются раскладочные приговоры – постановления сельских сходов о раскладке налогов между членами общины. Выбор Семилужной волости обусловлен возможностью получить наибольшее для томской коллекции раскладочных приговоров хронологическое разнообразие данных. Работа опирается на результаты архивного поиска. На основе персональных данных, извлечённых из перечней крестьян-платильщиков налога, был рассчитан ряд индексов Джини по отдельным селениям за отдельные годы, с дальнейшей оценкой степени их достоверности. Получен ряд индексов Джини, позволяющих говорить о значительном или даже высоком уровне неравенства в изучаемых селениях на фоне известных мировых значений и оценок для дореволюционной России. Показано, что близость крупного города (Томска) способствовала повышению неравенства доходов за счёт создания возможности заработка в качестве отходников и за счёт создания спроса на неземледельческие товары, создаваемые крестьянами. Показано, что первичные значения индекса следует считать заниженными из-за большой зависимости их от подушевой раскладки части налогов, а значения, очищенные от подушной составляющей, следует считать завышенными из-за недоучёта личных неземледельческих заработков крестьян. Различие между значениями очищенных индексов для разных селений объяснено особым экономическим обликом села Семилужного как важного пункта на Сибирском тракте.

Ключевые слова:

дореволюционная Россия, экономическая история, неравенство, история крестьянства, история Сибири, история налогов, индекс Джини, раскладочный приговор, крестьянская община, отходничество

Исследование проводится при поддержке гранта РНФ, проект № 21-18-00509 «Эволюция неравенства доходов и имущества населения России: от Великих реформ до "Великого перелома" в региональном измерении (статистический и геоинформационный анализ)» (рук. Л. И. Бородкин)

Авторы благодарны Анастасии Геннадьевне Караваевой и команде сотрудников Государственного архива Томской области, без поддержки которых эта работа не могла бы состояться

Современная традиция подсчёта неравенства доходов растёт из революционного XIX века, когда разрыв между богатыми и беднымиставил под угрозу само существование общества в той форме, какой оно достигло. К концу первой половины XX в. кризис, казалось, был преодолён, и радужные ожидания экономистов воплотились в «кривой Кузнец». Предложенная в 1950-е гг. и получившая широкое признание в 1970-е, эта кривая выражала ту мысль, что по мере продвижения общества по пути индустриального развития рост неравенства сменяется его сокращением [1].

Долгое время казавшаяся незыблемой, эта гипотеза в 2010-е гг. была опровергнута французским экономистом Т. Пикетти: на материале Франции, а затем и других западных стран, он доказывает новый рост неравенства, начиная с 1970-х гг. [\[2, 3\]](#). Не только во Франции работы Т. Пикетти подогрели интерес к измерению неравенства и обсуждению его справедливости или несправедливости. В России особый колорит изучения истории неравенства обусловлен спорами о Великой Российской революции и степени успешности предшествующего ей развития, в которых ключевую роль играют работы Б.Н. Миронова [\[4, 5\]](#).

Обсуждение неравенства в экономической истории принято вести с привлечением расчётных показателей – децильного коэффициента как орудия менее требовательного к исходным данным и индекса Джини как более точного показателя. Работы Б.Н. Миронова, его сторонников и оппонентов содержат ряд цифровых оценок, тяготеющих к опоре на данные о десятках миллионов жителей страны. Такие данные облегчают выход на общероссийский уровень обобщения, и в этом их сила. Слабое их место – в том, что они не замечают перепадов на микроуровне, которые могут играть существенную роль в настроениях людей, что важно для обсуждения вопросов о поведении людей в революционную годину. Работы, пытающиеся оценить неравенство на микроуровне, относятся в основном к городскому населению [\[6-10\]](#).

Главная проблема изучения доходов дореволюционных крестьян – нехватка данных. Можно сказать, что это не субъективная нехватка (не догадались собрать сведения или утратили собранное), а объективная: собрать их было невозможно в условиях, когда основная часть крестьянского дохода миновала денежную форму (сами произвели – сами употребили). С учётом этого приходится радоваться даже косвенным источникам, хотя и дающим неизбежную погрешность. Один из таких источников – это «раскладочные приговоры» крестьян – решения сельских сходов о распределении налогов между членами крестьянской общины.

К изучению крестьянских приговоров советские историки подступались с двух сторон. Они интересовали исследователей крестьянской общины. Раскладочную функцию крестьянской общины затрагивала классик советского крестьяноведения М.М. Громыко [\[11\]](#). Небольшая статья о приговорах сельских сходах есть у Л.В. Котович [\[12\]](#) (ученицы известной новосибирской исследовательницы Е.И. Соловьёвой), для которой это был один из сюжетов диссертации по истории крестьянской общины периода капитализма.

Интересовали приговоры и исследователей, стремившихся опираться на массовые источники. Б.Г. Литвак в книге 1979 г. высоко отзывался о приговорах крестьянских сходов как заслуживающем изучения источнике [\[13, с. 261\]](#). Очевидно, не случайно то, что как раз в это время начинал учёбу в аспирантуре МГУ Г.Д. Алексейченко, вся диссертация которого посвящена источниковедческому изучению приговоров крестьянских сходов. Статья в одном из ведущих академических журналов, подводящая итоги этого изучения, вышла уже в 1981 г. [\[14\]](#), сама же диссертация была защищена со второй попытки в 1988 г. (оба автореферата есть в РНБ – «Салтыковке»). Одним из оппонентов на её защите был сын знаменитого источниковеда молодой кандидат наук К.Б. Литвак, научным руководителем – академик И.Д. Ковальченко (за пять лет до этого выступавший научным руководителем и у К.Б. Литвака).

Г.Д. Алексейченко оценил состояние источников менее оптимистично, чем его маститый предшественник: "сохранность книг приговоров невелика", они охватывают пореформенный период неравномерно, а по иным уездам – и фрагментарно [\[14, с. 118\]](#).

Судя по автореферату и по статье, приговоры вообще как источник по истории крестьянства не показались автору диссертации особенно привлекательными, и в частности в раскладочных приговорах он нашёл лишь подушевые раскладки, которые расценил как дань формальности, не соответствующую действительным основаниям раскладки [14, с. 122].

Четверть века после этого раскладочные приговоры оставались без внимания исследователей. Лишь в середине 2010-х гг. А.Е. Панова начала обработку раскладочных приговоров Томского уезда [15]. В отличие от тверских документов, по которым работал Г.Д. Алексейченко, в томских обнаружилось немалое разнообразие оснований раскладки с преобладанием хозяйственных признаков.

Там, где историки имеют дело с полным комплектом документов, раскладочные приговоры дополняются раскладочными перечнями, в которых для каждого крестьянина указывалось количество единиц обложения (будь то годные работники, скот, десятины пашни или иные, более редкие признаки платёжеспособности). Это уже позволяет использовать эти налоговые документы для изучения совсем не налоговых вопросов. Но главная изюминка раскладочных приговоров как источника для изучения неравенства – то, что все упоминаемые в них признаки пересчитаны в рубли. В одном селении на лошадь и корову накладывают одинаковую сумму, в другом – разные; где-то десятина посева считается более доходной, чем голова скота, где-то – менее. Так происходит тот самый переход от хозяйственных признаков к доходу, который требует учёта местных условий и потому не может быть сделан на основе общероссийских или общегубернских шаблонов. Получаемые таким образом цифры, безусловно, искажают действительность, и тем не менее, позволяют оценивать неравенство крестьянских доходов.

Томская коллекция раскладочных приговоров обширна: она содержит около двух тысяч документов. Но не все они подходят для изучения неравенства. Одни раскладки неполны (только часть налогов), другие лишены раскладочных перечней. Из оставшихся первоочередной интерес представляют приговоры тех селений, для которых представлены разные годы. Наибольший интервал, охватываемый томской коллекцией – это десятилетие с 1899 по 1908 год. Лишь четыре из волостей Томского уезда отметились в документах 1899 года, из них только по Семилужной сопоставление этих данных с приговорами за другие годы позволяет получить целый ряд значений индекса Джини, допускающий сопоставление разных лет и разных селений. Вот почему именно эта волость стала объектом первоочередного внимания.

Результаты расчёта индекса Джини для селений Семилужной волости представлены в таблице.

Таблица. Индекс Джини, рассчитанный на основе раскладочных перечней для отдельных селений Семилужной волости, в сопоставлении с долей налога, раскладываемой «на число душ» либо на число годных работников

сельское общество, год	по раскладочному перечню	пересчёт без учёта раскладки на души	% раскладки на души
Андреевское, 1907	0,280	0,929	66,2
Андреевское, 1908	0,254	-	100,0

Семилужное, 1899	0,125	-	100,0
Семилужное, 1904	0,312	0,595	44,5
Семилужное, 1906	0,308	0,438	55,6
Семилужное, 1907	0,235	-	100,0
Семилужное, 1908	0,235	-	100,0
Турунтаевское, 1899	0,362	0,869	69,2
Турунтаевское, 1906	0,300	0,909	81,2
Турунтаевское, 1907	0,349	0,898	75,9
Турунтаевское, 1908	0,299	0,915	80,6

Рассчитано по: Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 200. Оп. 1. Д. 20. Л. 15а-18, 90-99 об.; д. 176. л. 360-374 об.; д. 183. л. 264-269, 283-286, 460-464, 489-493, 634-637 об.; д. 225. л. 128-133 об., 232-237 об., 242-243 об.

Данные этой таблицы надо осваивать постепенно. Для начала обратим внимание только на ячейки с показателями индекса Джини, рассчитанными строго «по раскладочному перечню». Сопоставляя эти цифры с мировыми данными [\[16, с. 787-790\]](#), мы понимаем, что в одних случаях они умеренны (значения в промежутке от 0,3 до 0,4), в других – невысоки (от 0,2 до 0,3), а иной раз и вовсе низки. Но прежде чем делать вывод о том, что в Семилужной волости с неравенством всё обстояло благополучно, надо объяснить трёхкратную разницу между крайними значениями ряда (0,125–0,362).

В недавней статье, выполненной на раскладочных приговорах томской коллекции [\[17\]](#), уже отмечалось, что колебания индексов могут зависеть от изменения оснований раскладки налогов. Достаточно было крестьянскому сходу переложить часть налоговой нагрузки, например, со скота на годных работников – и это сразу давало заметное снижение индекса неравенства (ведь разрыв в количестве годных работников очевидно должен быть ниже, чем разрыв в уровне зажиточности). Как раз по части изменения оснований раскладки Семилужное даёт богатый материал.

Перемены, происходящие в основаниях раскладки семилуженских селений, вообще велики, а в волостном центре они просто поразительны. На протяжении каких-нибудь десяти лет раскладка здесь дважды меняется коренным образом. В 1899 г. всё начинается с раскладки только и исключительно по числу душ; в следующей точке (1904 г.) мы видим более половины суммы разложенной на хозяйственные признаки (в числе которых не только коровы, лошади и десятины посева, но также овцы, торговля, постоянные дворы, пасеки, «пользование лесными материалами», занятие ремёслами), в 1906 г. хозяйственные признаки уступают часть своей доли «годным работникам» и сокращаются в разнообразии (но зато появляются копны сена, которые раньше не учитывались); наконец, в 1907 и 1908 гг. вся сумма вновь раскладывается на души.

Сам по себе этот круговорот «реформ и контрреформ на сельском уровне» очевидно

важен для понимания общинного механизма и податной системы начала ХХ в., но с точки зрения изучения доходов крестьян наличие раскладки по душам выглядит невыгодным. Ведь смысл изучения неравенства доходов – как раз в том, что две одинаковых «души» (авторы приговоров обычно использовали это понятие как тождественное годным работникам) имеют неодинаковый доход. Расчёт индекса Джини при раскладке всей суммы на души если и имеет какое-то значение, то скорее демографическое, чем финансовое. Для нас показатели в соответствующих ячейках важны лишь тем, что они напоминают о наличии острой борьбы между разными группами плательщиков, платёж которых рос или сокращался в зависимости от выбора оснований раскладки. И следовательно, выбор крестьянами оснований раскладки действительно влияет на получаемые нами индексы.

Чтобы избавиться от искажения, вносимого этим влиянием, кажется логичным вычислить те же индексы с учётом лишь раскладки на хозяйственные признаки, за исключением той части суммы, которая раскладывается на души (или на годных работников) – то, что в нашей таблице названо «пересчёт без учёта раскладки на души». Знакомство с этими цифрами вызывает удивление: индексы увеличиваются резко, в разы. Это особенно неожиданно в сравнении с Богородской волостью того же уезда, изученной ранее [\[17, с. 380\]](#). В Богородской волости индексы увеличились примерно с 0,3–0,4 до 0,4–0,5 Джини: на одну десятую единицы, что составило от четвёртой до пятой части исходных значений. В Семилужной же волости даже в волостном центре индексы выросли в полтора-два раза, прибавив от полутора до трёх десятых долей единицы, а в остальных селениях мы видим рост с амплитудой 0,5–0,65 единицы (в 2,5–3, 5 раза).

Понять разницу между двумя названными волостями помогают данные известного экономиста-аграрника начала ХХ в. А.А. Кауфмана. В 1890 г. он начинал свою профессиональную жизнь участием в масштабном обследовании сибирской деревни. Обследование было достаточно подробным, чтобы «различать в лицо» не только отдельные волости, но и отдельные селения, обладающие особыми чертами. Не повторяя здесь характеристику Богородской волости как земледельческой (приведённую в уже цитированной статье), остановимся на Семилужной волости. В качестве общей характеристики Семилужной волости А.А. Кауфман указывает слабое развитие земледелия. «Оно и можно бы пахать, да не для чего – нас город кормит» – такой ответ сам он приводит в качестве типичного для крестьян Семилужной волости [\[18, с. 78\]](#). Город, кормивший семилуженцев – это Томск, в то время – административный центр одной из четырёх сибирских губерний, обладатель единственного в Сибири университета, важный узел сибирской ярмарочной сети, крупный пункт на Сибирском тракте. Томичи «кормили» семилуженцев в обмен прежде всего на дрова и сено, и не случайно копны сена и «лесные материалы» оказываются прямо прописаны в приговорах с. Семилужного за 1904 и 1906 гг. Существенным условием этой торговли была близость семилуженцев к Томску: центр волости отделяло от города 30 вёрст (расстояние среднего дневного перехода торгового каравана на Сибирском тракте), Турунтаевское и Андреевское отстояли от губернского центра вдвое дальше (но всё-таки не так далеко, как Богородское с его 75 верстами).

Уяснение разной экономической специализации двух наших волостей само по себе полезно, коль скоро речь идёт об изучении экономического явления. Но это ещё не объясняет различие в приросте индексов после пересчёта. Собственно, разница эта зависит не столько от исходных цифр (они сопоставимы), сколько от «очищенных»: есть явная разница между Семилужным (с его 0,595 и 0,438) и двумя другими селениями (от 0,869 до 0,929). Поскольку предельное математически возможное значение индекса

Джини составляет 1, мы понимаем, что индексы Турунтаевского и Андреевского исключительно высоки. На самом деле, это выражение следует усилить: они невозможно высоки. Невозможно представить общество, в котором нижние 9 децилей населения не будут иметь никакого дохода (только в этом случае индекс Джини может быть равен единице). Поэтому предельное исторически возможное значение индекса Джини меньше единицы. Миланович, Линдерт и Вильямсон предложили целый ряд оценок предельно возможного индекса Джини для доиндустриальных обществ. Как правило, это значение укладывается в промежуток от 0,5 до 0,7 и ни в одном случае не превосходит 0,852 (для Голландии в 1732 г.). Настоящие (а не предельно возможные) индексы, рассчитанные теми же авторами для 52 стран в разные годы, и вовсе укладываются в диапазон от 0,3 до 0,6; причём самое низкое – 0,245 (Китай, 1880), а самые высокие – 0,637 (Чили, 1861), 0,635 (Новая Испания, 1790), а из новейших – 0,573 (Южная Африка, 2000) [19, с. 263–264].

Итак, пересчитанный без учёта подушной раскладки индекс Джини по Турунтаевскому и Андреевскому обществу противоречит здравому смыслу. Причину этого можно понять, сопоставляя раскладочные перечни по этим двум обществам и по Семилужному, показатели которого хотя и высоки (0,438 и 0,595), всё-таки остались в разумных рамках.

В раскладочных перечнях обращают на себя внимание плательщики, у которых в хозяйственных признаках стоят нули: нет у них ни коров, ни даже лошадей, не говоря уже о прочем. Речь идёт не о взрослых неотделённых детях, а о самостоятельных хозяевах. Если у хозяина стоят нули в хозяйственных признаках, это отходник. В Семилужном в 1906 г. отходников числится 36 при общем числе работников (с учётом «полудушек» – юных и старых работников) в 214,5 (16,8%). В Турунтаевском в 1908 г. – заметно больше: 59,5 отходников из общего числа в 217,5 годных работников (27,4%). А больше всего отходников – в Андреевском: 35 % (81 из 230,5).

Случай Андреевского особенно интересен в этом смысле, поскольку мы имеем определённое указание на особые качества этой категории крестьян. Отсутствие хозяйства вяжется со статусом «паспортных душ», которым противостоят «души налицо». Паспорт в дореволюционной России – это разрешение отлучиться за пределы своей волости, которое не нужно обычному крестьянину, зато совершенно необходимо ушедшему на заработки в город. В том году андреевцы брали с «паспортных душ» по 4 руб., а с «душ налицо» – только по 2,32 руб. Перед нами – дополнительное обложение доходов отходника, который зарабатывал, конечно, больше оставшегося в деревне – иначе не было смысла и уходить в город. И если у семилуженцев в отход ходили только одиночки, то в Турунтаевском есть группа не имеющих хозяйства плательщиков, за которыми записаны по 2–3 годных работника, а в Андреевском – даже 4 «паспортных души»!

Способ, каким крестьяне учитывали доход этих работников – подушевая накладка – несовершенен, но это в данном случае единственный способ учёта отходнических заработка. Так или иначе мы должны его принимать во внимание. Когда мы видим у отходников нули в хозяйственных признаках, складывается представление об их экономическом убожестве, но представление это неверно. Особенno показателен в этом смысле посёлок Андреевский. В отличие от Семилужного и Турунтаевского, он был создан переселенцами; ещё в перечне населённых мест Томской губернии за 1899 г. его не было вовсе; в перечне 1911 г. он дописан в Семилужной волости последним, и на карте 1911 г. мы находим его на переселенческом участке земли. Значит, члены

Андреевского сельского общества – это люди, проехавшие тысячи километров ради того, чтобы завести полноценное крестьянское хозяйство. Уйти в город они могли и в Европейской России, но они поехали в Сибирь. И тем не менее – ушли от полученной земли в Томск. Значит, работа в Томске всё-таки была для них выгоднее земледелия, и как бы скучно им ни приходилось жить в городе без собственного хозяйства, доход у них был.

Итак, пересчитанный индекс Джини по Турунтаевскому и Андреевскому завышен сильно, индекс по Семилужному завышен в меньшей степени; значит ли это, что мы можем считать правильной среднюю цифру между показателями с. Семилужного до и после очистки их от подушной составляющей? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо присмотреться к Семилужному дополнительно. В дополнение к общеволостному фактору соседства с городом, на экономику села Семилужного влияла ещё одна особенность.

Это было село трактовое, то есть не просто расположено на Сибирском тракте, но выступавшее базой на пути движения торговых караванов между Западной и Восточной Сибирью. Правда, и Турунтаевское было причастно к извозному промыслу, но это село Кауфман называет второстепенным пунктом: если в Семилужном останавливались почти все трактовые обозы, то в Турунтаевском обозы «останавливаются более или менее случайно» [\[20, с. 192-193\]](#), заработки на дворничестве невелики – и это до постройки Транссиба; после, конечно, стало ещё хуже. Видимо, не случайно перечень населённых мест 1911 г. не знает за Турунтаевским ни одной торговой лавки, а в 1899 г. было две. И это при том, что к началу 1910-х гг. Турунтаевское повысило статус: стало центром вновь выделенной волости. Статус-то повысился, но экономическая сила сокращалась.

Иное дело – село Семилужное: даже списки населённых мест отмечают здесь 7 торговых лавок в 1899 г. и 6 – в 1911 г. По раскладочному перечню 1906 г. мы видим не менее 10 лавок и 16 постоянных дворов. К этому добавлялось содержание богатыми семилуженцами почтовой, этапной и земской гоньбы. Влияние неземледельческих факторов определило особую, по выражению А.А. Кауфмана, «экономическую и нравственную физиономию» села, частью которой явилось ярко выраженное неравенство: «крупные богачи рядом с массою голи» [\[20, с. 80\]](#).

В какой степени эта формула соответствует коэффициентам, которые мы получили для Семилужного после очистки индекса Джини от подушной составляющей? Судя по тому, что за лавки и постоянные дворы в 1904-1906 гг. взималось, как правило, не более трёх рублей (так же, как за 6-10 лошадей, или за одну «душу», или «за ремесло»), доход торговцев и содержателей постоянных дворов был занижен, а при более правильном его учёте индексы могли бы быть выше. И не случайно мы видим снижение индексов после возврата к раскладке «по душам» в 1907-1908 гг., когда платежи многих торговцев действительно сильно сократились. И если допустить, что это занижение уравновесит завышение индекса, происходящее от неучёта подушной накладки, то можно думать, что действительный индекс Джини по с. Семилужному составлял не менее чем 0,438 (как в 1906 г.), а может быть, и 0,595 (как в 1904-м).

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что уровень неравенства доходов крестьян Семилужной волости точно не был низким, а соответствовал значительному или даже высокому уровню. Одним из факторов, влияющих на это, было наличие proximity крупного города, который создавал спрос на деревенские (но не земледельческие) товары и открывал возможность заработка для отходников. Говоря в более общем виде, можно сказать, что наличие proximity города меняло суть крестьянского неравенства. Неравенство сельского типа, более или менее точно измеримое хозяйственными

объектами в собственности человека, сменялось неравенством городского типа, которое воплощается именно в деньги, в доход от личной работы.

Библиография

1. Бородкин Л.И. Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнецца? // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сб. статей. М.: РОССПЭН, 2001. С. 331-355.
2. Piketty Thomas. *Les hauts revenus en France au XXe siècle. Inégalités et redistributions. 1901-1998.* Paris. 2001. 807pp.
3. Atkinson Anthony B., Piketty Thomas, Saez Emmanuel. Top Incomes in the Long Run of History // Journal of Economic Literature. 2011. Vol. 49. No 1, pp. 3-71.
4. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. 2-е изд, испр. и доп. – М.: Весь Мир, 2012. – 848 с.
5. Миронов Б.Н. Российская империя от традиции к модерну. В 3 т. СПб: «Дмитрий Буланин», 2014.
6. Бородкин Л. И., Валетов Т. Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В. «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М.: РОССПЭН, 2010. 535 с.
7. Веринчук К.Д. Дифференциация заработной платы промышленных рабочих России в годы Первой мировой войны // Экономическая история: ежегодник. 2016. Т. 2014-2015. С. 251-290.
8. Щетинина А.С. О возможности изучения неравенства в заработной плате горнозаводских рабочих и служащих в период с 1861 г. до начала ХХ в. по документам сибирских архивов // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 6. С. 78-88. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2022.6.39366>
9. Кириллов А.К., Сорокин М.Д. Доходы, жильё и неравенство в Барнауле и Томске в начале 1910-х гг. по материалам присутствий по квартирному налогу // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 6. С. 69-77. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2022.6.39342>.
10. Кириллов А.К., Свирепов А.И. Дифференциация населения г. Барнаула в 1916 г. по данным заявлений плательщиков подоходного налога // Вопросы истории. 2023. № 7-1. С. 16-31.
11. Громыко М.М. ТERRITORIALNAYA OBCHINA SIBIRI (30-e gg. XVIII v. – 60-e gg. XIX v.) // KREST'YANSKAYA OBCHINA V SIBIRI XVII – NACHALA XX V. Novosibirsk: Nauchka, 1977. C. 33–103.
12. Котович Л.В. Приговоры сельских сходов как источник изучения сельских обществ Сибири периода капитализма // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1989. С. 80–91.
13. Литvak Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М.: Наука, 1979.
14. Алексейченко Г.А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины России второй половины XIX в.: по материалам Тверской губернии. // История СССР, 1981. № 6. С. 116–125.
15. Кириллов А.К., Панова А.Е. "Душа" против "состояния": неявный смысл крестьянских налоговых раскладок в России начала XX века (на материалах Богородской и Семилужной волостей Томского уезда) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 48–58.
16. Lindert Peter H., Nafziger Steven. Russian Inequality on the Eve of Revolution // The

- Journal of Economic History, Vol. 74, No. 3 (September 2014), pp. 767–798.
17. Кириллов А.К., Свирепов А.И. Диапазон альтернативных оценок внутридеревенского неравенства доходов по данным западносибирских налоговых раскладок начала XX в. // Историко-экономические исследования. 2023 (т. 24), № 3. С. 365-386. DOI: 10.17150/2308-2488.2023.24(3).365-386
 18. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири (Исследование А. А. Кауфмана). Вып. 14. Т. 1. СПб., 1892.
 19. Milanovic Branko, Lindert Peter H., Williamson Jeffrey G. Pre-industrial inequality // The Economic Journal, Vol. 121, No. 551 (March 2011), pp. 255–272.
 20. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири (Исследование А. А. Кауфмана). Вып. 14. Т. 2. СПб., 1892.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена чрезвычайно важной теме, связанной с измерением неравенства в крестьянской среде России начала XX в. В течение многих лет эта проблема освещалась в отечественной историографии путем изучения расслоения крестьянства, при этом выделялось, как правило, 3 основные группы: бедное, среднее и зажиточное крестьянство, а в качестве признаков, которые выступали инструментами измерения, брались те или иные производственные показатели в зависимости от места, времени и специализации крестьянского хозяйства. Более точные оценки затрудняются отсутствием в дореволюционной России подоходного налога.

В статье предлагается сравнительно новая методика изучения доходов крестьянского хозяйства и приведения их к единому денежному выражению путем использования для этого «раскладочных приговоров» крестьян – решения сельских сходов о распределении налогов между членами крестьянской общины. Это позволяет перейти к измерению неравенства в крестьянской среде, используя широко распространенные универсальные эконометрические инструменты – децильный коэффициент и индекс Джини.

Актуальность изучения неравенства и способов его измерения является практически вневременной и достаточно острой вне зависимости от объекта, в рамках которого оно исследуется и измеряется. В статье отмечены как глобальные тенденции общей оценки неравенства, так и необходимость изучения его на микроуровне, без чего невозможно иметь объективную оценку более общих значений и тенденций.

Научная новизна работы также не вызывает сомнений и связана как с обращением к изучению западносибирского крестьянства начала XX в. с использованием универсальных измерителей неравенства, так и с достаточно глубоким проникновением в «кухню» такого измерения, выявлением разнообразных аспектов и нюансов, связанных с особенностями крестьянского хозяйства и влиянием общих тенденций его развития на количественные оценки имущественного неравенства.

Структура рецензируемой статьи в целом представляется традиционной, она опирается на логику и последовательное развертывание основных положений. Изложение начинается с постановки проблемы неравенства в глобальных его аспектах, затем фокус переносится на российское общество начала XX в. Далее отмечается значение

микроуровневых исследований, в том числе и при изучении неравенства в крестьянской среде. Ставится вопрос об использовании для этого раскладочных приговоров крестьян. Представлена краткая, но емкая историография изучения этих документов, потенциал которых связан с переводом хозяйственных признаков непосредственно в денежное выражение. В качестве источника изучения выступает коллекция раскладочных приговоров 4 волостей Томского уезда за 1899–1908 гг. При этом наиболее репрезентативные материала представлены в источниках по Семилужской волости. На этих материалах рассчитывается индекс Джини. При этом автор статьи тщательно анализирует сам механизм раскладки налоговой нагрузки и его зависимость от особенностей специализации крестьянского хозяйства, в том числе обусловленной географическим положением – близостью к городу. На основе полученных значений индекса Джини показано возникновение специфических механизмов обложения в зависимости от числа отходников. Анализируется уже известная ситуация, когда сами показатели традиционного крестьянского хозяйства, прежде всего величина посева, не свидетельствуют о степени бедности или зажиточности того или иного хозяйства в силу переноса центра тяжести на другие занятия, в данном случае – обслуживание города. Общий вывод о довольно высоком уровне неравенства крестьянства Западной Сибири в начале XX в. представляется конкретным и обоснованным. Статья хорошо показывает «многослойность» подходов к изучению, казалось бы, уже понятных и устоявшихся вещей, и в этом одно из главных ее достоинств.

Библиография статьи хорошо соответствует ее содержанию, она содержит перечень весьма полезных работ, связанных с изучением неравенства.

Статья отличается рядом новых подходов к изучению неравенства в крестьянской среде, начиная вместе с рядом других работ, появляющихся в последнее время, новое направление в понимании неравенства и способов его измерения.

Статья, безусловно, вызовет интерес читателей, прежде всего специалистов по экономической и аграрной истории, она выдержана в хорошем научном стиле и рекомендуется к публикации.